

УДК 316.346.2:1

Генеалогия гендера: социально-философские аспекты

О. М. Ломако

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, olga-lomako@yandex.ru

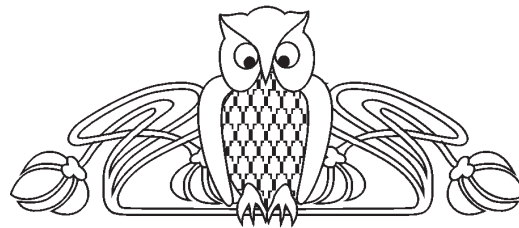
Статья посвящена социально-философскому анализу пола и гендера сравнительно-историческим методом генеалогии в единстве биологического, социального и символического измерений. Анализируется возникновение, релевантность и история отношений «мужского» и «женского». Раскрывается сложность и многоаспектность проблемы возникновения гендера в социальной действительности. Она включает в себя историю и традицию, мифологию и метафизику. «Мужское» и «женское» понимаются как социально-онтологические конститутивные начала культурной картины мира. Различие пола и гендера рассматривается как фундаментальная характеристика социального порядка. Если пол обозначает физические, телесные различия между мужчиной и женщиной, то гендер включает их психологические, социальные и культурные особенности. Бинарная оппозиция «мужского» и «женского» характеризуется отношениями господства и подчинения, которые проецируются на социальную иерархию. В ходе цивилизационного процесса происходит маргинализация «женского» начала. «Женское» понимается как природное и пассивное, «мужское» – как социальное и активное. В патриархальном обществе мужчина становится привилегированным полом, а женщина – подчиненным. В статье отношения «мужское» – «женское» раскрываются через понятия «социальный порядок» и «символическая активность». Подчиненный пол маргинален, однако при этом он обладает большей символической активностью. **Ключевые слова:** социальная философия, генеалогический метод, мифология, история, пол, гендер, «мужское», «женское», маргинальность, социальный порядок, «символическая активность».

Поступила в редакцию: 30.01.2020 / Принята: 20.02.2020 /
Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-134-137>

Социально-философская рефлексия генеалогии гендера во многом определяется переходом от вопросов структуры половых различий к вопросам социального знания, т. е. переходом от биологического к социальному измерению пола – к гендеру, который становится предметом многих размышлений и дискуссий. Чтобы понять переплетение биологического и социального в отношении пола и гендера, мужского и женского, необходимо выявление «истока», «начала» человеческого общества в его историческом и культурном контексте философским методом генеалогии.

В самом конкретном смысле генеалогия понимается как учение о родственных отношениях индивидов. В гендерных исследованиях генеалогия рассматривается, во-первых, как часть истории женщин, она исследует маргинализированные в ходе истории и культурной памяти культурные достижения женщин; во-вторых, означает накопленный и передаваемый через поколения «женский» опыт, включающий «женский» образ жизни, язык и мышление. При этом концепция генеалогии концентрируется на основе патрилинейной семейной и правовой наследственной организации (патриархат), на последовательности поколений по мужской линии, которой подчиняются женщины через брак и отношения родства [1, с. 146].

Философский метод генеалогии берет начало в «философии жизни» Ф. Ницше. Этот метод предназначен для раскрытия истоков жизни и культуры, их происхождения (Ursprung) и первоначала (αρχή). Философ понимает генеалогию как учение о происхождении, как «свидетельство о рождении». Специфика метода генеалогии, предложенного Ницше, заключается в признании множественности или хотя бы двойственности «начала», т. е. в его гетерогенности. Человек предстает в неразрывном единстве жизни и смерти. М. Фуко в рамках дискурсивного анализа рассматривал генеалогию как исторический метод, как учение об истоках социального и культурного мира.

Применение метода генеалогии к анализу гендера в социально-философском понимании предполагает изучение асимметричной композиции культуры и анализ реструктуризации гендерных диспозиций. Наиболее важным для данной проблемы является символическое значение генеалогии как формы культурного порядка. В связи с этим возникает вопрос: «Как можно доказать превосходство одного пола относительно другого?». Лучше всего, пожалуй, это достижимо ссылкой на порядок природный, космический. Женская генеалогия настаивала на приоритете женщины как порождающего начала. Согласно мифологии, главную роль в продолжении рода играет женщина, которая вынашивает, рождает, выкармливает и воспитывает ребенка. Вполне очевидно, что именно поэтому в роли богов выступали женщины-матери. Родословная велась по материнской

линии. С утверждением мужского господства возникла необходимость изменения мировоззрения и пересмотра традиционных мифологий» [2, с. 288]. Появляется мужская генеалогия. Бинарная оппозиция мужское–женское обретает новый смысл – господства и подчинения.

Бинарные оппозиции – центральное понятие структурной антропологии К. Леви-Стросса, где оно использовалось в нарратологии и в описании значения литературных текстов. Ж. Деррида показал, как западная система мышления упорядочивает мир с помощью бинарных оппозиций, где обе части пары понятий не равноценны, а асимметричны. Таким образом, иерархическое отношение, в котором состоят оба члена оппозиции, представляет одно понятие как более древнее и центральное, другое – как производное и маргинальное. Следуя Деррида, можно подвергнуть гендерному рассмотрению литературу, психоанализ и философию и выяснить, что наши символические системы структурирующих парных понятий активность – пассивность, культура – природа, дух – тело не только организованы иерархически, но и маркированы гендерно. Они выведены из оппозиции мужское – женское. Мужская коннотация – активность, культура, дух – представляется как позитивная и господствующая. Женская сторона оппозиции понимается как негативная и подчиненная. Бинарные гендерные структуры являются функционализацией женского через мужской дискурс, который делает женщину основой для мужского проекта субъективности. Женщина тем самым выступает не как собственный пол, а лишь как производный от мужчины, и таким образом уничтожается мышление о половой дифференциации [1, с. 39–40].

Экономическое воспроизводство ранних обществ было непосредственно связано с воспроизводством поколений и, следовательно, с вопросами происхождения и регуляции процессов рождения. В патриархатных обществах начинается кодировка обмена женщинами. Как показал К. Леви-Стросс, запрет на инцест определяется правилами обмена, который не является тождественным купле-продаже: «Брачные отношения, наблюдаемые в человеческих обществах, не должны классифицироваться, как это обычно делают, по разнородным и различным категориям: запрещение инцеста, предпочтительные типы браков и т. д. Каждая из них представляет собой один из способов обеспечения обмена женщинами внутри социальной группы, т. е. замены системы кровного родства биологического происхождения социальной системой отношений свойства» [3, с. 57]. Женщину либо получают как дар, либо ее можно украсть – таковы два тради-

ционных способа получения жены. Отмечая, что «социальная группа рассматривает женщин как ценности основного типа», Леви-Стросс продолжает: «Но нам трудно понять, что эти ценности могут войти в состав систем знаков... Мы едва ли начинаем считать это свойство присущим системам родства» [3, с. 58]. Сам обмен был довольно сложным символическим событием и никоим образом не мог быть сведен к формуле товар – деньги – товар. К. Леви-Стросс приходит к выводу о том, что в такой системе обмена между мужчинами положение женщин было весьма двусмысленным, о чем «свидетельствуют брачные правила и словарь терминов родства» [3, с. 59]. Обмен женщинами не был товарным обменом. Первой формой обмена был так называемый дарообмен. Женщина не была товаром, ее можно было получить в дар или украсть, но не купить. Она была знаком, а именно знаком такой ценности, которая не продается и не покупается.

Начиная с Античности, женская генеалогия была вытеснена генеалогией мужской, в которой начинается «исправление» мифологии: переход от мифологии хтонической (матриархальной) к мифологии героической (патриархальной) и к эпической поэзии.

Вытеснение начала биологического, природного, материнского, началом мужским, социальным, политическим, раскрывается через драматизм мифологических отношений музы – сирены. Как носительницы социального начала музы объединяли людей через знание своих истоков, т. е. тех первоначальных событий, которым они обязаны своим существованием. Как дочери Памяти, они символизировали бессмертие в истории, активное творческое начало. В противоположность музам сирены означают пассивность, забвение, хаос. Для них закрыт источник памяти.

В «Одиссее» Гомер через отношения муз и сирен показывает победу социального начала над природными инстинктами. Сладкозвучные песни сирен были обращением по имени к каждому человеку через особую мелодию и особые слова. Никто не мог противиться зову сирен, как невозможно не откликнуться на зов матери.

Природное, материнское, женское изгоняется на острова, объявляется опасным и смертельным для человека. Подлинно и прекрасно лишь социальное, именно оно и провозглашается *первичным*, «началом», которое начинает управлять через эстетическое естественным и природным. Пение сирен символизирует голос матери-природы, инстинкты. «Самоутверждение разума, мужественности и свободы составляет героическое пространство античного Космоса. Такова генеалогия гуманистической традиции: манифестация

красоты военно-спортивной *мужской* жизни; изгнанная природа, неумирающие и убивающие инстинкты; бессознательное. Островок хаоса прячется в глубине как страшное и опасное, но все же необходимое место» [4, с. 232].

В Древней Греции времен архаики не было строгого разделения между женским и мужским миром. Тем не менее уделом мужчин была публичная жизнь, которая в основном сводилась к войне. Однако женщины из аристократического сословия свободно находились в военных лагерях и даже давали стратегические советы. У Гомера встречаются как матриликальные, так и патрилокальные брачные союзы, причем матриликальная форма была более ранней: дочери-наследницы выдавались замуж за особенно выдающихся военачальников, которые принимали на себя защиту страны (Елена и Менелай). Патрилокальные браки являются более поздними (Пенелопа и Одиссей). Во время написания эпоса эта форма утвердилась на исторической сцене. Свидетельства 7–6 вв. до н.э. показывают строгое разделение женского и мужского жизненных миров. Так, в Спарте мужчины до 30 лет жили не в семье, а в своих военных соединениях и только украдкой могли видеться со своими женами, с которыми брак заключался в 18-летнем возрасте. Задача мужчин состояла исключительно в ведении войны, женщины должны были производить на свет как можно больше детей, при этом внебрачные дети также признавались законными. Относительно хорошее положение ионийских женщин не распространялось на эолийский регион (Афины, Эвбея, Киклады): здесь исключение женщин из общественной сферы было тотальным, девушка до свадьбы не видела своего жениха, для девочек не было никакого институционального воспитания и образования.

В древних Афинах классического периода, ставших культурным центром Греции и последующим образцом европейской культуры, разделение сфер проживания мужчин и женщин было особенно ярко выражено. Замужние женщины не покидали своего дома, в котором пространство также строго делилось на мужское и женское (гинекей). Граждане (мужчины) проводили время на городской площади или в местах социальных встреч, таких как агора, симпозиум и гимнасий. Женщины, появившиеся в общественных местах, были рабынями, гетерами либо иностранками. В теории рождались проекты против такого подчиненного положения женщин (Платон, Ксенофон), однако на социальную реальность они не оказывали никакого влияния [1, с. 17–18].

Характеризуя особенности античного полиса, Х. Арентс обращает особое внимание на понимание сути человека, которая заключается в том, что человек как житель полиса является существом

политическим. Соответственно этому мнению рабы и варвары не являлись людьми, поскольку они были вне логоса, т. е. вне политики. Это вовсе не значит, что они не могли говорить, просто их речь как таковая ничего для них не значила, тогда как греческая политическая форма жизни отличалась тем, что определялась речью и что основной заботой греков было совместное говорение.

Только полис дал возможность соединить в политике деяние и говорение, что означало политическую совместность, гражданскую солидарность. Тем самым было проведено различие двух сфер – публичной и приватной. Более того, возникло четкое противопоставление пространства полиса сфере домашнего хозяйства и семьи и, в конце концов, видам деятельности, которые служили сохранению и поддержанию жизни, и тем, которые охватывали весь совместный мир. Это разделение и различие составляли аксиоматический принцип совокупного политического мышления граждан полиса [5, с. 39], образуя социальную-онтологическую основу противопоставления «мира женского» «миру мужскому».

Женщины тоже были «вне логоса», вне публичной политической жизни, но все же не так, как рабы. Женщину нельзя было содержать как рабыню, поскольку она рождает мужчин, способных властвовать. Что же в женщинах пугало древнегреческих мужчин? Вакхическая экстазическая природа или желание сохранить институт отцовства? Наверное, и то и другое.

В противоположность архаичной мифологии, которая настаивала на приоритете женщины как порождающего начала, «метафизика первоначально опиралась на доказательство субстанциального превосходства мужского тела над женским... Женщина, строго говоря, не участвует в творении или, точнее, остается его пассивной стороной... Аристотелевская метафизика выступает итогом реорганизации половых отношений в античной Греции. Именно в ней обосновывается приоритет мужского как носителя активности и формы и вторичность женского как носителя пассивной материи» [2, с. 288–289].

Греческое мышление является андроцентричным по своей сути. Понятие логоцентризма, близко стоящее к андроцентризму, изначально относится к уровням возложенных на мужчин языковых и символических порядков (дискурсов) и на центрацию силы и власти. Язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен, т. е. ориентирован на человека мужского пола и тем самым отражает мужскую перспективу. Любой язык обнаруживает признаки андроцентричности. Э. Гидденс на примере анализа текстов детской и взрослой литературы характеризует это явление как очевидность. Так, в детских книгах мужчины

играли «гораздо большую роль, чем женщины. Их число превосходило количество женских персонажей... Действия, которые выполняли мужские и женские персонажи, также сильно отличались. Юноши участвовали в увлекательных приключениях и разнообразных переделках вне дома, требующих независимости и силы. В то же время персонажи-девушки, если они появлялись, показывались пассивными и, как правило, ограниченными рамками домашних дел» [6, с. 158]. Еще в большей степени такое положение дел характерно для взрослой литературы. «Если женщина не выступала в роли жены или матери, она скорее всего являлась воображаемым созданием, например, ведьмой или богородицей» [6, с. 158].

Бинарная оппозиция мужского и женского характеризуется отношениями господства и подчинения, которые проецируются на социальную иерархию. Всякий социум имеет привилегированный пол и подчиненный пол. В ходе цивили-

зационного процесса происходит маргинализация «женского» начала. Подчиненный пол маргинален, однако при этом он обладает большей символической активностью.

Список литературы

1. Metzler Lexikon. Gender Studies. Stuttgart; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2002. 425 p.
2. Марков Б. В. Люди и знаки : антропология межличностной коммуникации. СПб. : Наука, 2011. 667 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 536 с.
4. Ломако О.М. Генеалогия воспитания : Философско-педагогическая антропология. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 264 с.
5. Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich : Piper Verlag, 2014. 485 p.
6. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.

Образец для цитирования:

Ломако О. М. Генеалогия гендера: социально-философские аспекты // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 134–137. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-134-137>

Genealogy of Gender: Social and Philosophical Aspects

O. M. Lomako

Olga M. Lomako, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the socio-philosophical analysis of sex and gender with the help of the comparative historical method of genealogy in the unity of biological, social and symbolic dimensions. The origin, relevance and history of “male – female” relationships are analyzed. It reveals the complexity and multi-dimensionality of social reality including history and tradition, mythology and metaphysics. “Male” and “female” are understood as constitutive social ontological sources of the cultural picture of the world. The difference between sex and gender is considered as a fundamental characteristic of the social order. If sex refers to the physical, bodily differences between a man and a woman, then gender includes their psychological, social, and cultural characteristics. The binary opposition of male and female is characterized by a relationship of dominance and subordination that is projected onto the social hierarchy. In the course of the civilizational process, the “female” element is marginalized. “Female” is understood as natural and passive, “male” – as social and active. In a patriarchal society, the male becomes the privileged sex, and the woman is a subordinate. In the article the male-female relationship is revealed through the concepts of “social order” and “symbolic activity”. The subordinate gender is marginalized, but it has more symbolic activity.

Keywords: social philosophy, genealogical method, mythology, history, sex, gender, “male”, “female”, marginality, social order, “symbolic activity”.

Received: 30.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Metzler Lexikon. Gender Studies. Stuttgart, Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2002. 425 p.
2. Markov B. V. *Lyudi i znaki: antropologiya mezhlchnostnoy kommunikatsii* [People and Signs: Anthropology of Interpersonal Communication]. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2011. 667 p. (in Russian).
3. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 536 p. (in Russian).
4. Lomako O.M. *Genealogiya vospitaniya: filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya* [Genealogy of Education: Philosophical and Pedagogical Anthropology]. St.-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 2003. 264 p. (in Russian).
5. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. München, Zürich, Piper Verlag, 2014. 485 p.
6. Giddens E. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 704 p. (in Russian).

Cite this article as:

Lomako O. M. Genealogy of Gender: Social and Philosophical Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 134–137. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-134-137>